

В. М. Массон

ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА И ИХ СВЯЗИ С ИРАНОМ И ИНДИЕЙ

Древнеземледельческие племена Южного Туркменистана широко известны в специальной литературе со времени раскопок двух небольших курганов у селения Анау¹. Уже материал, полученный при раскопках этих курганов, позволяет судить о важной роли племен Южного Туркменистана в истории земледельческих общин, группировавшихся вокруг городских цивилизаций Месопотамии и Инда, а также о существенном влиянии, которое эти племена оказывали на развитие других областей Средней Азии в пору энеолита и бронзового века. В настоящее время исследования советских археологов² значительно расширили наши представления о культуре и истории этих племен. Открыты десятки новых памятников, произведены значительные раскопки, среди которых прежде всего следует отметить широкие исследования Б. А. Куфтина, позволившие предложить новую классификацию археологического материала на основании выделения комплексов Намагза I, II, III, IV, V и VI, в целом соответствующих так называемым культурам Анау I, II и III³.

В настоящее время в Южном Туркменистане продолжается систематическое изучение памятников энеолита и бронзового века. В настоящей статье будут затронуты некоторые общие вопросы истории и культуры древнеземледельческих племен Южного Туркменистана в связи с новыми данными, полученными в 1955—1956 гг. XIV отрядом ЮТАКЭ при изу-

¹ О первых раскопках А. В. Комарова см. «Туркестанские ведомости», 1888, № 24—25; R. P u t r e l l y, Explorations of Turkestan, I—II, Washington, 1908.

² Д. Д. Б у к и н и ч, Некоторые новые данные об Анау и Намагза-депе, «Туркменоведение», 1929, № 5; А. А. М а р у щ е н к о, Анау. Историческая справка. В кн. «Архитектурные памятники Туркмении», I, Москва — Ашхабад, 1939; М. Е. М а с с о н, ТЮТАКЭ, II (1953); Б. А. Л и т в и н с к и й, Намагза-депе, СЭ, 1952, № 4; С. А. Е р ш о в, Холм Ясы-депе 2, ИАН ТССР, 1952, № 6; В. М. М а с с о н, Мисрианская равнина в эпоху поздней бронзы и раннего железа, ИАН ТССР, 1954, № 2; о н ж е, Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба, ИАН ТССР, 1956, № 2; Б. Б. П и о т р о в с к и й, Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР, М., 1955; «Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР», II (1956) (статьи А. Ф. Г а н я л и н а и С. А. Е р ш о в а).

³ Б. А. К у ф т и н, Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау», ИАН ТССР, 1954, № 1; см. также публикацию этих материалов в ТЮТАКЭ, VII (1956). Свободную таблицу керамики на основании новых данных см. «Очерки истории СССР, Первообытно-общинный строй и древнейшие государства», М., 1956, стр. 139.

чении раннеанавских памятников¹. Работами 1955—1956 г. начато осуществление многолетнего плана раскопок, и поэтому они были организованы следующим образом. На Кара-депе у Артыка начат стратиграфический раскоп, в котором предполагается вскрыть слои Намазга I, II и III. Широкое исследование планировки поселений разных периодов намечено проводить на памятниках, имеющих разновременные кроющие слои. Так, начаты значительные раскопки на том же Кара-депе у Артыка, где кроющий слой представлен комплексом Намазга III. Соответственно планировка жилищ позднего неолита изучается на поселении Джейтун, а жилища времени Намазга II — на поселении Геоксюр (Геоксюр I), к востоку от г. Теджена. Для изучения планировки времени Намазга I в 1957 г. предполагается начать раскопки на поселении Ялангач-депе (Геоксюр IV). В результате работ двух лет общая площадь раскопок составляла около 2300 м², а полученный богатый и разнообразный материал позволяет по-новому ставить, а иногда и решать целый ряд вопросов.

Одним из таких вопросов является вопрос о происхождении земледельческой культуры, вопрос об истоках древнейшего земледелия. Исследованиями последних лет (А. А. Марущенко, Б. А. Куфтин) в Южном Туркменистане открыты памятники, предшествующие по времени нижним слоям северного кургана Анау. По наиболее характерному памятнику культуру этого времени можно назвать джейтунской.

Само поселение Джейтун расположено в 30 км к северу от Ашхабада на вершине песчаного бугра. Произведенные здесь в 1955—1956 гг. раскопки обнаружили остатки глинобитных строений, образующие по крайней мере три стратиграфические слоя. Сырцового кирпича в это время еще не было, и его заменяли комки глины цилиндрической формы, из которых были сложены некоторые стены. Найдены различные кремневые орудия, в том числе вкладыши от серпов. Высоким качеством отличается лепленная от руки керамика, иногда украшенная примитивной росписью. В глиняных обломках полов встречены зерна ячменя и, возможно, пшеницы, а в культурных слоях довольно много костей домашних животных (козы и бараны).

Значительный интерес представляет орошение Джейтуна, отделенного меридионально вытянутой песчаной грядой от древней дельты одного из подгорных ручьев. К востоку от Джейтуна в этой гряде имеются два разработанных водой пропела. По этим пропелам, видимо, и прорывались на север воды ручья, подпертые песчаной грядой. К северу от гряды эти воды, следуя уклону местности, поворачивали вдоль гряды на запад и заливали ныне частично отакыренные участки к югу от Джейтуна. Следует считать, что использование этих разливов и легло в основу земледелия древнейших обитателей Джейтуна. Земледелие Джейтуна, надо полагать, представляет один из древнейших типов искусственного орошения.

Другим памятником джейтунской культуры является Чопан-депе, расположенное к востоку от Геок-депе и, судя по характеру керамики, несколько более позднее, чем Джейтун. В 1953 г. С. А. Ершовым здесь была произведена разведочная шурфовка, причем наиболее интересно то обстоятельство, что в верхних слоях встречаются уже кости крупного рогатого скота². При обследовании Чопан-депе в 1956 г. удалось расчистить остатки стены, сложенной, подобно строениям Джейтуна, из продолговатых глиняных комков. При расчистке этой стены были найдены два раздавленных хума с росписью, кремневые пластины, нуклеус, костяные проколки и костяной вкладышевый серп.

¹ Работы велись под руководством автора статьи при участии археологов В. И. Сарияниди, И. Н. Хлопина и М. Джамалова.

² С. А. Ершов, Холм Чопан-депе, ТИИАЭ АН ТССР, II (1956), стр. 19.

Характер расписной керамики Джейтуна и Чопан-дене показывает, что она предшествует керамике нижних слоев Анау (Анау I А), с которой связана по гамме и, видимо, некоторыми видами орнамента (зигзаг Анау I А и волнистая линия Джейтуна). Весьма показательны, что в верхних слоях Чопан-дене появляются изображения треугольников¹, играющих такую большую роль в росписи посуды Анау I А и особенно Анау I Б. Правда, в имеющихся материалах, видимо, отсутствует еще одно звено, которое могло бы непосредственно связать керамику верхних слоев Чопан-дене и нижних слоев Анау. Кремневый материал Джейтуна находит ана-

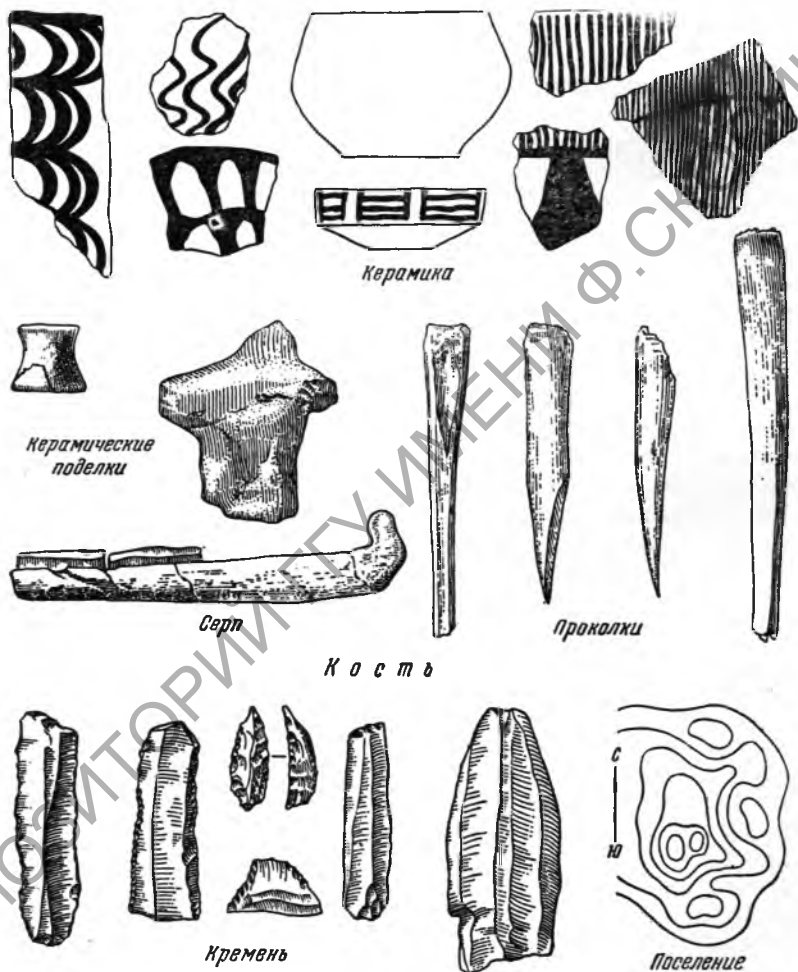

Рис. 1. Джейтунская культура

логии в нижних слоях Тепе-Сялк (Сялк I и II)² и, в известной мере, в материале поселения Джармо, недавно исследованного Брэдвудом в северном Ираке и датирующегося первой половиной V тысячелетия до н. э.³

¹ Ершов, ук. соч., стр. 18, рис. 5.

² R. Ghirshman, Fouilles de Sialk, I, P., 1938, табл. LV.

³ R. Braidwood, Near East and foundations for civilization, Oregon, 1952.

Рис. 2. Раскопки на поселении Геоксюр

В слоях Сиалк I имеются также костяные вкладышевые орудия, полностью идентичные серпу, найденному на Чопан-депе¹. Однако по облику расписной керамики Джейтун и Чопан-депе представляются более ранними памятниками, чем слой Сиалк I, синхронизирующиеся по широко распространенной росписи треугольниками со слоями Анау I А и Б. Нижние слои Тепе-Сиалк относятся к позднему неолиту и в свое время были отнесены Р. Гиршманом ко второй половине V тысячелетия до н. э.². Эта датировка пока не подвергалась серьезному пересмотру³, хотя не исключено, что она может быть изменена на более позднюю. На основании подобных сопоставлений поздненеолитическую культуру Джейтуна, как нам кажется, можно ориентировочно датировать второй половиной V тысячелетия до н. э.

В какой мере эту наиболее раннюю на территории СССР земледельческую культуру можно считать автохтонной? К сожалению, ранне-неолитические памятники в подгорной полосе Копет-дага пока неизвестны, но зато довольно большой материал получен в районе Красноводского полуострова, где А. П. Окладниковым⁴, в частности, раскопана пещера Джебел. Однако следует иметь в виду, что в определенный период неолитическая культура Прикаспия сосуществовала с земледельческими поселениями предгорий Копет-дага и Эльбурса, как об этом свидетельствуют находки черепков типа Гисар II в Гарикамарбанде⁵ и Шах-тепе II в Джебеле. Неолит Прикаспия с примыкающим к нему неолитом Кель-

¹ G h i r s h m a n, ук. соч., стр. 17—18, табл. VII, VIII, 1—2; LIV, 1—IV; LV, 22. Четыре из пяти орудий происходит из слоев Сиалк I, 1—2, т. е. из слоев самых древних.

² Там же, стр. 89.

³ В синхронистической таблице Чайлда (G. C h i l d e, New light on the Most Ancient East, L., 1952, стр. 232—233) Сиалк I отнесен к первой половине V тысячелетия до н. э.

⁴ А. П. Окладников, Пещера Джебел, ТЮТАКЭ, VII (1956).

⁵ C. S. C o o n, Cave explorations in Iran, 1949, Philadelphia, 1951.

теминара представляет собою культуры рыболовов и охотников-собираателей того времени, когда в более благоприятных природных условиях по долинам небольших речек и ручьев уже развивались поселения энеолитических земледельцев и скотоводов. Однако есть основания считать, что кремневый материал Джебела, особенно в его нижних слоях, может дать представление о кремневой индустрии раннеолитических племен, обитавших в прикопетдагской полосе. В таком случае значительное сходство, которое обнаруживается между кремневым инвентарем Джебела и Джейтуна, может свидетельствовать о каких-то местных корнях джейтунской культуры. Условия расположения и восстанавливаемый характер орошения древних полей Джейтунского поселения также свидетельствуют о самой начальной стадии развития земледелия, к которому перешли не-

Рис. 4. Мраморная статуэтка быка из Кара-дере

давние охотники и собиратели. Если видеть в джейтунской культуре только результат миграции племен, уже знавших земледелие, то можно было бы ожидать более широкого освоения подгорной полосы.

Рассматриваемый вопрос находится в тесной связи с более общей проблемой происхождения земледельческих культур Ближнего Востока, иногда называемых «культурами расписной керамики». К сожалению, ранних памятников, могущих пролить свет на эту проблему, известно сравнительно мало. Лучшее всего изучены северный Ирак и Сирия, хотя и здесь остается много неясных вопросов. Древнейшие земледельческие культуры этих районов, Хассуна и Халаф, датирующиеся серединой и второй половиной V тысячелетия до н. э., с их великолепной расписной керамикой, имеют мало общего с культурой Джейтуна. Общим сходством кремневого инвентаря и уровня хозяйственного развития ограничиваются аналогии и с уже упоминавшимся поселением Джармо. Показательно, что керамика, впервые появляющаяся в верхних слоях Джармо, хотя и никак не сопоставляется с посудой Джейтуна, но так же, как и она, плоскодонна. Видимо, глиняная посуда, появляющаяся в условиях оседлого быта земледельческих племен, была плоскодонной уже на самых ранних этапах своего возникновения.

К сожалению, на обширной территории Ирана, где расположен ряд памятников с великолепной расписной керамикой, пока не обнаружено

Рис. 3. Расписные сосуды Намазга III (вверху) и Намазга II (внизу)

земледельческих поселений, соответствующих по древности Джейтуну. Несколько фрагментов керамики, близкой к джейтунской, издано в сборках А. Стейна с Тали-Иблис в Кермане¹, но до проведения раскопок трудно судить о наличии здесь поздненеолитических слоев. По-видимому, наиболее ранним земледельческим поселением на территории Ирана является поздненеолитическое поселение, остатки которого открыты в слоях Сиалка I. Среди расписной керамики Сиалка I, в целом синхронизирующей с Анау I, наибольший интерес представляет мотив в виде зигзагов², идентичный росписи Анау IA и, как нам кажется, восходящий к росписи Джейтуна.

Рис. 5. Терракотовые статуэтки с Кара-депе (1, 2, 4) и Геоксюра (3)

Как отмечалось выше, близко напоминает Джейтун и кремневый материал нижних слоев Сиалка. Вполне возможно, что поздненеолитическая культура джейтунского типа была распространена, помимо Южного Туркменистана, в северном и центральном Иране, и на ее основе возникли более поздние культуры, представленные слоями Сиалка I в центральном Иране и комплексом Анау I — Намазга I в Южном Туркменистане.

Совершенно неясным остается происхождение земледельческих культур северо-западной Индии. Частично предшествующая Хараппе культура Амри в Синде и южном Белуджистане и культура второго слоя Рана Гхундай в северном Белуджистане раскрывают высоко развитые культуры с прекрасной расписной керамикой, сделанной на гончарном кругу, и не лишено основания предположение ряда исследователей о сложении этих культур под воздействием западных влияний³.

¹ A. Stein, Archaeological reconnaissances in North-Western India and South-Eastern Iran, L., 1937, табл. XXIV, 178.

² Ghirshman, ук. соч., I, табл. X, A 10.

³ D. H. Gordon, The pottery industries on the Indo-Iranian border, «Ancient India», № 10—11 (1954—1955), стр. 167.

Более ранние памятники, по существу, еще почти не изучены. Видимо, такими слоями являются нижние слои Рана Гхундай (Рана Гхундай I), где встречены кости домашних животных, но между ними и Рана Гхундай II, несомненно, существовал большой разрыв. Керамика Рана Гхундай I не расписная и сделана от руки. Гордон сопоставляет ее с керамикой ручной лепки из второго слоя поселения Кили около Кветты¹, где, правда, уже появляется примитивная роспись. Можно полагать, что освещению этого вопроса поможет также полное издание результатов недавних

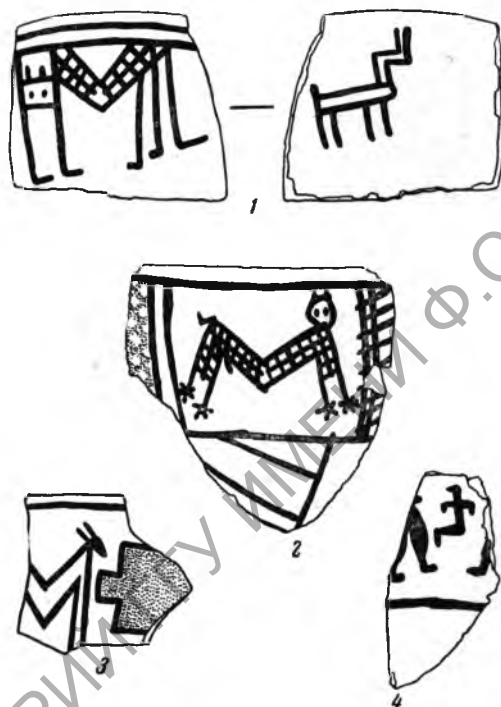

Рис. 6. Расписная керамика с Геоксюра (1—3) и Кара-депе (4)

раскопок поселения Мундигаг в Южном Афганистане², где в I и II слоях встречена грубая лепная керамика и остатки глинобитных домов. Сыровый кирпич появляется в Мундигаге лишь в третьем слое. Надо полагать, что изучение этих памятников поможет раскрыть местные пути образования земледельческих племен³, но влияние на более поздние культуры западных племен и, видимо, принесение оттуда гончарного круга заставляет с особым вниманием относиться к изучению памятников древнейших земледельцев Ирана и Южного Туркменистана. Характер культуры племен Ближнего Востока, перешедших в V тысячелетии до н. э. к земледелию, заставляет склоняться к выводу о полицентризме этого процесса, и одной из возможных областей, где произошел этот переход, наряду

¹ Gordon, ук. соч., стр. 167; W. A. Fairervis, Preliminary report on the prehistoric archaeology of the Afghan-Baluchi areas, «American museum novitates», № 1587 (1952), стр. 17—18.

² I. M. Casa I, Quatre campagnes de fouilles à Mundigak, 1951—1954, «Arts Asiatiques», I (1955), fasc. 3.

³ Местное происхождение земледельческих племен Белуджистана, постулируемое Чайлдом, вполне вероятно само по себе, но пока не может быть прослежено на конкретном материале.

с Египтом, Сирией и Северным Ираком, следует признать область Иранского плато с примыкающей сюда подгорной полосой Копет-дага.

Если Джейтун и Чопан-депе рисуют начальные этапы развития земледельческой культуры, то в IV тысячелетии до н. э.¹ мы видим картину широкого освоения земледельцами подгорной полосы от Кизыл-Арвата на западе до района г. Теджена на востоке. К этому времени относится распространение медных изделий. Эта энеолитическая культура, которую, возможно, следует называть анауской, включает комплексы Намазга I (= Анау I Б) и Намазга II (= Анау II).

Раскопки на Кара-депе показали, что крупное энеолитическое поселение площадью около 15 га сложилось здесь уже в пору Намазга I. В слоях этого времени, достигающих 7 м, обнаружена разнообразная рас-

Рис. 7. Сосуды типа Намазга III с Кара-депе

писная керамика с геометрическим орнаментом, пряслица, медные проколки и глиняные женские статуэтки. Насколько можно судить по имеющимся данным, не менее значительным, чем Кара-депе, было в пору энеолита и поселение Намазга-депе.

Целая группа энеолитических памятников расположена около железнодорожной станции Геокюр (в 18 км к востоку от г. Теджена), являясь остатками небольшого оазиса древних земледельцев. Наиболее крупным поселением и, видимо, своеобразным центром этого оазиса был сам холм Геокюр, или Геокюр I, занимающий площадь около 10 га. При произведенных здесь раскопках были открыты остатки по меньшей мере трех многокомнатных жилых домов, построенных из сырцового кирпича. Все три жилых дома разделяются узкими улочками. В наиболее хорошо изученном доме раскопано 14 помещений, группирующихся возле двора, имевшего выход на улочку. Крупные прямоугольные комнаты, по всей видимости, являлись жилыми. В одной небольшой комнатке, возведенной в пределах двора, вероятно, помещалась кухня. На полу другого прямоугольного помещения встречены в большом количестве зерна пшеницы, и, надо полагать, что это помещение служило зернохранилищем. Видимо, производственное назначение, связанное с обжигом керамики, имело другое помещение, в котором в большом количестве были встречены обгорелые и оплакованные кирпичи, а также керамический шлак. Среди разнообразных находок, сделанных в раскопе, преобладает керамика, относящаяся к комплексу Намазга II. Для ее росписи характерны крестообразные фигуры, различные вариации подобных фигур и пилообразных линий, перемежающихся с сетчато заштрихованными фигурами (рис. 3), изобра-

¹ Рассмотрение проблемы датировки в свете новых данных см. ТЮТАКЭ, VII (1956).

жения козлов и фантастических животных (рис. 6, 1—3). Керамика Намазга II, найденная на Геоксюре, заметно отличается от одновременной керамике, происходящей с более западных памятников (Намазга-депе, Кара-депе, Анау), и образует особый вариант, вероятно, связанный с обитанием здесь в древности особой группы племен.

Часть нескольких многокомнатных домов вскрыта при раскопках верхнего слоя на Кара-депе. Эти дома относятся ко времени существования комплекса Намазга III, характеризующегося весьма своеобразной расписной керамикой. Роспись производилась темно-коричневой или черной краской на зеленовато-белом и, значительно реже, на красном фоне. Наряду с богатым геометрическим орнаментом встречаются рисунки козлов, птиц, коров и пятнистых животных, видимо, являющихся барсами или гепардами. Раскрытые на Кара-депе здания были так же, как и на Геоксюре, построены из сырцового кирпича. В крупных, очевидно, жилых комнатах находились углубленные в пол очаги. Наряду с крупными комнатами в домах имелось значительное число и более мелких, частично не имевших дверей и, видимо, игравших роль своеобразных хранилищ. В одном из таких помещений было найдено 13 целых расписных сосудов.

Имеющиеся материалы позволяют ставить вопрос об изучении общественного строя древнеземледельческих племен Южного Туркменистана. Обращает на себя внимание значительное развитие производительных сил в пору энеолита. Для земледелия осваиваются большинство речек и ручьев подгорной полосы, причем крупные поселения располагаются уже по среднему течению ручьев, где выведение воды на поля требовало создания подпорных плотин и, возможно, проведения первых, еще небольших арыков. Уже в слоях Намазга II впервые встречаются колесики от моделей повозок, что свидетельствует об использовании тягловой силы животных, в дальнейшем начинающей применяться и в земледелии. Такое значительное усложнение производственной деятельности позволяет считать, что прав был Б. А. Куфтин, писавший о складывающихся патриархальных отношениях уже в период Намазга II¹. Видимо, многокомнатные дома, из которых состояли поселения Геоксюр и Кара-депе, являлись местом обитания больших патриархальных семей, составлявших в это время основную хозяйственную единицу общества.

Значительный интерес для изучения искусства и идеологии древнеземледельческих племен представляет большая и разнообразная коллекция терракотовых статуэток, полученная при раскопках Кара-депе и Геоксура. Она представлена статуэтками мужчин, женщин и различных животных. Как показали раскопки Джейтуна, традиция изготовления статуэток, во всяком случае статуэток животных, восходит к позднему неолиту. Можно предполагать, что в это время уже были также и статуэтки женщин, но первые находки таких статуэток относятся уже к слоям Намазга I. Это довольно реалистично выполненные статуэтки стоящих женщин с резко выраженной стеонопигией, иногда напоминающие раннетрипольские статуэтки Луки-Врублевцевкой². Но особенно широко распространены женские статуэтки в слоях Намазга II и III. Например, на Геоксюре как при раскопках, так и при сборах подъемного материала, они встречаются буквально десятками. Женские статуэтки Намазга II и III, весьма близкие по характеру, представлены в основном двумя типами сидящих фигур. Статуэтки первого типа имеют прямые плечи, конические груди и опущенные вниз руки, изображенные только до локтя. Изящными

¹ Куфтин, Работы ЮТАКЭ..., стр. 28.

² С. Н. Бибииков, Поселение Лука-Врублевцевка, МИА СССР, 38 (1953), табл. 110 и др.

плавными линиями передается изгиб талии и бедер (рис. 5). Лицо образовывалось простым защипом и в целом голова имела подтреугольную «птицевидную» форму. Второй тип представлен еще более упрощенными экземплярами, у которых голова, грудь и руки не изображались вовсе, хотя ноги и талия сделаны довольно тщательно. Особый интерес представляет первый тип статуэток в связи с находкой на Кара-депе уникального для анауских культур черепка с изображением двух людских фигур, обращенных лицами к находящейся между ними сидящей статуэтке, идентичной женским статуэткам первого типа (рис. 6, 4). Совершенно очевидно, что перед нами какая-то ритуальная сцена. Можно полагать, что все эти женские статуэтки связаны с культом богини-матери. Этот культ был широко распространен среди древнеземледельческих племен¹, и южнотуркменистанские общины выработали довольно своеобразный иконографический тип, резко отличный, например, от типа белуджистанской «богини-матери»².

Наряду с женскими найдены также и схематические статуэтки сидящих мужчин, встречающиеся сравнительно редко и только в слоях Намазга III, где их распространение, возможно, связано с полной победой патриархальных отношений.

Несомненно, к числу культовых предметов поры Намазга III принадлежит и найденная на Кара-депе мраморная статуэтка быка (рис. 4), животного, игравшего большую роль в религиозных представлениях древнего Востока. Изображения быков и коров характерны как для керамики Намазга III, так и для Сялка, Мусияна и белуджистанских культур (Кулли, Наль-Нундара). В Месопотамии известен ряд каменных статуэток быков, относящихся к периоду Джемдет-Наср³, т. е. приблизительно к тому же времени, что и кара-депское изображение.

Рассмотренные выше мужские и женские статуэтки отличаются значительным схематизмом, особенно в передаче головы. Однако, как показали находки 1956 г., наряду с ними существовали также статуэтки с более реалистическим изображением лица. К сожалению, эти статуэтки пока не представлены целыми экземплярами. Их можно разделить на два типа.

Первый тип хорошо представлен терракотовой головкой с Кара-депе (комплекс Намазга III) (рис. 5, 2). Голова посажена на длинную шею и слегка запрокинута. Лицо широкое, круглое, глаза переданы удлиненными прорезями, смыкающиеся на переносице брови подчеркнуты темно-коричневой краской. Нос, конец которого отломан, имеет характерную горбинку, лоб невысокий. На голове темно-коричневой краской изображена шапочка или волосы, остриженные «в кружок». Головка выполнена твердой и умелой рукой, и в ее исполнении чувствуется большая и стойкая традиция. Это подтверждается находками головок, восходящих к этому же типу, на поселении Геоксюр, где они относятся к комплексу Намазга II. Одна головка имеет сильно поврежденное лицо, но высокая шея и постановка чуть запрокинутой назад головы указывает на ее принадлежность к этому типу (рис. 5, 3). Шея второй головки не сохранилась, лицо ее передано весьма условно, но имеет характерные сомкнутые брови и удлиненные глаза. Эта головка интересна в том отношении, что может считаться как бы подражанием более реалистическим образцам и тем самым свидетельствует об относительно широком распространении изображений подобного типа. Наиболее близкие аналогии этим головкам находят

¹ С. Н. Бибиков, Культурные женские изображения раннеземледельческих племен Юго-Восточной Европы, СА, XV (1951).

² S. Pigott, Prehistoric India to 1000 B. C., L., 1952, стр. 126—127; W. A. Fairervis, УК. соч., стр. 14, рис. 3.

³ G. Contenu, Manuel d'archéologie orientale, IV, P., 1947, стр. 1991—1993.

в скульптуре южной Месопотамии III тысячелетия до н. э., относимой к шумерам¹. Действительно, круглая голова, овал лица и характерный нос сближают головку с Кара-депе с изображениями древних обитателей Шумера. Было бы преждевременно, до получения нового материала, на основании таких сопоставлений делать какие-либо исторические выводы, но следует подчеркнуть, что в Южной Туркмении подобные изображения, судя по находке их в комплексе Намазга II, восходят, по крайней мере, ко второй половине IV тысячелетия до н. э. В этой связи нельзя не вспомнить находки в XIX в. на Тюренг-тепе около Астрабада так называемого астрабадского клада, состоявшего из золотых, бронзовых и каменных предметов². В составе клада имеется золотой кубок с изображениями людей, горбоносый профиль лица которых и характерные одежды позволили М. И. Ростовцеву с полным основанием сопоставлять их с памятниками Шумера³. В настоящее время после раскопок, произведенных на Тепе-Гисар, ясно, что большинство предметов астрабадского клада принадлежит к числу изделий местной культуры и относится ко времени около 2000 г. до н. э.⁴. Трудно судить, относится ли золотой кубок к более раннему времени, чем остальные предметы клада, или свидетельствует о сохранении «шумерского» типа до начала II тысячелетия до н. э., но во всяком случае находка статуэток на Геоксюре и Кара-депе является одним из аргументов в пользу местного происхождения золотого кубка.

Второй тип отличается значительным схематизмом, к нему принадлежит прекрасно сделанная головка с Кара-депе (комплекс Намазга III) (рис. 5, I). Лицо удлинненное, крупные мицталевидные глаза. Верхняя губа и часть подбородка выбриты, и на шею спускаются лишь две небольшие пряди узкой бородки. На голове, видимо, надет шлем с наушниками и назатыльником, с гребня которого спускается плетеная коса. Уши слегка оттопырены. Характер выполнения так же, как и для головок первого типа, указывает на существование определенного канона, которому следовала умелая рука мастера. Эта кара-депинская находка также не является одинокой. В сборах подъемного материала, хранящихся в Историческом музее АН Туркменской ССР, имеется верхняя часть другой головки с Геоксюра, совершенно идентичной кара-депинскому экземпляру. Отличается лишь прическа: головка с Геоксюра имеет пышные волосы, уложенные буклями и, судя по этому признаку, принадлежит женщине.

Новые находки должны помочь разъяснению вопроса, следует ли связывать наличие двух типов статуэток с двумя разными этническими типами или мы имеем дело с различными художественными канонами. Во всяком случае этническое развитие древнеземледельческих племен Южного Туркменистана проходило очень сложными путями, и было бы крайним упрощением этого процесса неверное, на наш взгляд, утверждение о большой роли племен Анау в этногенезе таджиков⁵. Если и настало время пытаться проследить линию этногенеза народов Средней Азии до бронзового века, то этногенез таджикского народа было бы более обосно-

¹ См. например, G. Contenau, Manuel d'archéologie orientale, I, P., 1927, рис. 48, 49; II, 1931, рис. 366; IV, 1947, рис. 1004—1005.

² С. A. de Bode, On a recently opened tumulus in the neighbourhood of Astrabad, «Archaeologia», XXX (1944), табл. XVI.

³ M. Rostovtzeff, The Sumerian treasure of Astrabad, JEA, VI (1920), стр. 4—27.

⁴ В этом отношении вполне прав E. Herzfeld, Iran in the Ancient East, L.—N. Y., 1941, стр. 108, называя клад местным, что, однако, еще не снимает шумерских аналогий, приводившихся М. И. Ростовцевым.

⁵ «Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства», М., 1956, стр. 130.

ванно связывать с земледельческими племенами Ферганы (Чуст) и скотоводческо-земледельческими племенами, возможно, родственными андроновцам, памятники которых недавно обнаружены в Фергане (Кайрак-Кумы, Вуадиль) и в низовьях Зеравшана (Заман-баба).

Древнеземледельческие племена Южного Туркменистана находились в тесных связях с соседними племенами, занимавшими территорию современного Ирана, Белуджистана и Южного Афганистана. Эти племена как бы образовывали пояс земледельческих общин вокруг городских цивилизий Месопотамии и Инда. Для их материальной культуры характерна богатая расписная керамика, исследование которой в настоящее время играет важную роль в установлении соотношений и взаимосвязей этих племен. Эти племена, возможно, родственные между собой, распадались на отдельные группы, из которых уже сейчас можно отметить центрально-иранскую, известную по раскопкам Тепе-Сиалк и Тепе-Гисар, и южно-иранскую, характеризующую культурой Суз, Тали-Бакуна и целого ряда поселений вдоль берега Персидского залива, исследованных А. Стейном¹. В Белуджистане С. Пиготтом было намечено деление на северные и южные культуры², но в настоящее время это деление все более подвергается критике³, хотя в основном сохраняет свое значение, если отбросить принятую С. Пиготтом вслед за Д. Мак Кауном неудачную терминологию культур красной керамики (Red-ware) и кремовой керамики (Buff-ware).

Среди этих культур памятники южнотуркменистанских племен представляют особую самостоятельную группу, ярко характеризующую своеобразием расписной керамики. В этом отношении был прав Э. Херцфельд, почувствовавший своеобразие особого культурного центра уже на ограниченных материалах Анау, хотя он и искал ошибочно этот центр в междуречье Аму-Дарья и Сыр-Дарья (ук. соч., стр. 96), и совершенно неоправданной является точка зрения Д. Мак Кауна о периферийности культур Анау (ук. соч., стр. 17).

Как уже отмечалось выше, определенная связь наблюдается в керамике Сиапка I и Анау I — Намазга I, что, как нам кажется, может быть связано с общим происхождением этих культур от позднеолитической культуры типа Джейтуна. Несколько более обособленно выглядит полихромная керамика комплекса Намазга II. В центральноиранских памятниках отсутствует посуда с полихромной росписью. Предположения ряда исследователей о возможных связях анауской и белуджистанской полихромии пока не могут быть подтверждены конкретным материалом. Отдельные элементы росписи посуды Намазга II, вроде соединенных вершинами треугольников могут найти аналогии как в Иране, так и в Индии⁴, но в целом ее облик весьма своеобразен.

Количество аналогий значительно увеличивается для конца IV и III тысячелетий до н. э., характеризующихся в Южном Туркменистане комплексами Намазга III (для первой половины) и Намазга IV (для второй половины периода). Геометрический орнамент посуды Намазга III по сравнению с керамикой центрального Ирана опять отличается значительным своеобразием. Ряд аналогий имеется, однако, в памятниках северного Белуджистана, расположенных около Кветты и первоначально объединенных С. Пигот-

¹ См. обстоятельное исследование D. M a c C o w n, The comparative stratigraphy of Early Iran, Chicago, 1942.

² S. P i g g o t t, The chronology of prehistoric North-West India, «Ancient India», I (1946), и в более развернутой форме в его книге, цитированной выше.

³ F a i r s e r v i s, ук. соч., стр. 3; F. A. K h a n, Fresh sidelights on the Indus valley and the bronze age of Orient, «Univ. of London. Inst. of archaeology. II ann. report», 1955, стр. 52.

⁴ K h a n, ук. соч., стр. 54—55.

том в культуру Кветты¹. Эти аналогии свидетельствуют о том, что при рассмотрении западных связей белуджистанских культур помимо южного направления, обычно подчеркиваемого исследователями², следует учитывать также и северо-восточные пути, которые позволяют предполагать наличие в районе Кучана—Мешеда еще неисследованных памятников расписной керамики. Но особенно ярко выступают связи между племенами Южного Туркменистана и Ирана при рассмотрении изображений животных на керамике. Рисунки птиц, козлов и пятнистых животных (барсов) на посуде Намазга III являются как бы прямыми репликами аналогичных рисунков на керамике Тепе-Гисара (слои I С, II А) и Тепе-Сиалка (III, 4—7). В слоях Гиан V, синхронизирующихся с Сиалком III, имеются изображения птиц в сочетании с соляриными кругами³, т. е. в сочетании, обычно встречаемом и на Кара-депе. Весьма показательным является и изображение коровы в сочетании с птицами, известное в Кара-депе, Сиалке III, 7 и в керамике Мусияна и Суз⁴. Последний мотив представляет особый интерес, так как принадлежит к типу рисунка, известного под названием «животные и ландшафт», широко распространенному в белуджистанской культуре Кулли⁵. При этом белуджистанские коровы имеют характерное туловище, чрезмерно вытянутое в длину. В этой связи интересно, что в 1956 г. на Кара-депе в слое Намазга III также была найдена чаша, по краю которой идет фриз, изображающий коров с удлинненным туловищем. Наряду с более художественными изображениями животных в росписи Кулли есть также схематические рисунки стоящих друг за другом козлов, образующих горизонтальную орнаментальную полосу⁶. Аналогичные полосы из фигурок козлов известны теперь и на керамике Намазга III. Наконец, надо отметить фрагмент статуэтки пятнистого животного, возможно, барса, также найденной на Кара-депе и близко напоминающей фигурику пятнистых животных Тали-Бакуна⁷.

При сравнительном рассмотрении керамики Южного Туркменистана и центрального Ирана обращает на себя внимание следующий момент. Если изображения пятнистых животных на керамике Тепе-Гисара и особенно Тепе-Сиалка выполнены довольно реалистично и в них можно узнать барсов или гепардов, то в Южном Туркменистане эти изображения схематизируются, и в большинстве случаев порода животных почти не поддается определению. Известная схематизация изображений может быть отмечена и для козлов. Эти факты не могут являться случайными. Несомненно, речь должна идти или о резком усилении культурного влияния, или о приходе в Южную Туркмению новых племен из центрального Ирана, принесших сюда отмеченные выше мотивы расписной керамики. Однако довольно заметно выступают также различия между южнотуркменистанскими и центральноиранскими памятниками. В Южном Туркменистане отсутствуют характерные формы посуды Сиалка и Гисара (например, вазы на высоких ножках). Ведущая форма расписной посуды южнотуркменистанских племен в пору Намазга III — глубокая чаша — существует

¹ S. Piggott, A new prehistoric ceramic from Baluchistan, «Ancient India», 3 (1947). Новый материал см. Fairservis, ук. соч., рис. 2, f; рис. 4, g.

² Например D. H. Gordon, ук. соч., стр. 168.

³ G. Contenau et R. Ghirshman, Fouilles de Tepe Giyan, P., 1935, табл. 49.

⁴ Ghirshman, Fouilles de Sialk, I, стр. 51—52, рис. 7; Herzfeld, ук. соч., стр. 87—88; E. Pottier, Céramique peinte de Suse et petits monuments, «Délégation en Perse. Mémoires», XIII, 1912, стр. 48; рис. 168; табл. XXX, 7; И. Н. Хлопин, Изображение коровы на посуде из Кара-депе, КСИИМК, 69 (1957).

⁵ Piggott, Prehistoric India, стр. 100.

⁶ Там же, стр. 101, рис. 6.

⁷ A. Langsdorff, D. MacCown, Talli-Bakun. A Season of 1932, Chicago, 1942, стр. 62; табл. 5, 9 и 10.

здесь с самого начала энеолита (рис. 7). Если керамика упомянутых слоев Сиалка и Гисара изготовлялась на гончарном круге, то вся известная посуда Намазга III леплена от руки. Подобные факты заставляют прийти к выводу, что если в конце IV тысячелетия до н. э. в Южный Туркменистан и проникали какие-либо племена из центрального, а может быть и из Южного Ирана, то они в культурном отношении были быстро ассимилированы местным населением.

Значительно труднее пока истолковать характер связей с племенами, обитавшими на северо-западе Индии. Однако прямые параллели в геометрической орнаментации керамики Кветты и Намазга III заставляют предполагать наличие именно прямых связей, а не опосредствованных через южноиранскую группу памятников. Возможно, исследования, проводящиеся на поселении Мундигак в Южном Афганистане, позволят в ближайшем будущем остановиться на этом вопросе более конкретно и обоснованно.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРНИЦЫ